

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня Говард Филлипс Лавкрафт — признанный классик литературы ужасов, один из основоположников жанра. Его знаменитый цикл — Мифы Ктулху — прочно вошел в массовую культуру: образы придуманной им вселенной так или иначе используют в своих произведениях все новые

Г. Ф. Лавкрафт

Двухлетний Говард с родителями — Сарой и Уинфилдом Лавкрафт. По детской моде того времени мальчика одевали в девичьи наряды

Г. Ф. Лавкрафт в 1915 году

поколения писателей, художников, музыкантов, создателей комиксов, видео- и настольных игр.

Однако так было не всегда. При жизни автора удел его историй был куда скромнее. Популярность настигла классика лишь после смерти — и оттого только интереснее взглянуть на его творческий путь и сопоставить с нынешним положением Мифов Ктулху.

Г. Ф. Лавкрафт родился 20 августа 1890 года в Провиденсе, штат Род-Айленд, где прожил практически всю жизнь. По материнской линии Говард был потомком старинного рода, восходящего почти к первым поселенцам, основавшим американские колонии, а по отцовской принадлежал к еще более давней английской фамилии.

Будучи болезненным ребенком, Говард проводил дни напролет за чтением книг в библиотеке своего деда. Его так занимали сказки и мифы, что в семь лет он сам начал писать первые истории. А подростком сочинил уже пару более серьезных рассказов, один из которых — «Алхимик» (1908) — был позднее опубликован в любительском журнале. Ценитель старины, большой поклонник литературы прошлых эпох, будущий писатель уже тогда проявлял удивительную архаичность даже для своего времени, тяжеловесность и напыщенность слога, которая осталась характерной для него на протяжении всей карьеры. Однако в следующие годы автор решил уйти от «несерьезных» рассказов, чтобы сосредоточиться на поэзии и публицистике.

В 1914 году Г. Ф. Лавкрафт вступил в Объединенный любительский союз журналистов, где познакомился со многими будущими друзьями, которые посоветовали ему снова взяться за «странную прозу», как назывались тогда истории о сверхъестественных ужасах. В 1917 году Г. Ф. Лавкрафт написал два рассказа — «Усыпальница» и «Дагон». А еще через пару лет, открыв для себя творчество ирландского первопроходца фэнтези Лорда Дансени, задумал создать собственный пантеон божеств, который и послужил впоследствии основой для Мифов Ктулху.

1922 год ознаменовался для писателя первой профессиональной публикацией: рассказ «Герберт Уэст, реаниматор» был напечатан в шести выпусках литературного журнала, и автор получил гонорар — по пять долларов за каждую из частей.

В последующие годы Г. Ф. Лавкрафт создал десятки произведений. Помимо короткой прозы, в числе его работ было и несколько объемных сочинений — таких, как «Случай Чарльза Декстера Варда» (1927), «Хребты безумия» (1931), «За гранью времен» (1935), — а также стихи, эссе, очерки разного рода.

Подавляющее большинство работ автора объединены упоминаниями инопланетных божеств, непостижимых мест, запретных книг и прочих артефактов «лавкрафтианской» вселенной. Зачастую это лишь незначительные отсылки, а сами произведения почти никогда не связаны между собой, но именно это родство позволяет объединить их в единый цикл — Мифы Ктулху. Сам творец не слишком стремился структурировать свою мифологию и любил вплетать в нее образы, придуманные другими авторами «странной прозы» — Робертом Говардом, Кларком Эштоном Смитом, Робертом Блохом. Во многом Мифы были дополнены последователями — в первую очередь, Августом Дерлетом, основателем издательства «Аркхем Хаус», который после смерти классика

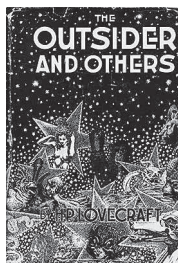
*Г. Ф. Лавкрафт
в 1935 году*

*Вероятно, последнее фото
Г. Ф. Лавкрафта. На крыльце
своего дома в Провиденсе (1936)*

*Обложка авторского сборника
«Изгой и другие» — первого
издания «Аркхем Хаус»,
вышедшего спустя два года после
смерти писателя, мизерным
по тем временам тиражом в
1268 копий.*

*«Последний джентльмен
был изгоем двадцатого века,
и дух его благоденствовал в
надлежащей ему и излюбленной
эре — восемнадцатом веке», —
написали в предисловии
составители Август Дерлет и
Дональд Уондри*

сыграл ключевую роль в сохранении и популяризации его наследия. По этой причине каноничность тех или иных ответвлений вселенной остается предметом обсуждений среди поклонников творчества Г. Ф. Лавкрафта и по сей день.

На протяжении 1920-х—1930-х годов рассказы Г. Ф. Лавкрафта регулярно печатались в литературном журнале «Странные истории» и подобных «бульварных» изданиях. Но, несмотря на многочисленные публикации, а также отзывы друзей и читателей, к своим сочинениям классик относился критично. Так, озаглавив автобиографию как «Некоторые заметки о ничтожестве», автор отозвался в ней о собственных трудах следующим образом:

«Я не питаю иллюзий относительно сомнительности моих историй и не надеюсь стать серьезным конкурентом моим любимым авторам странного — По, Артуру Макену, Дансени, Элджернону Блэквуду, Уолтеру де ла Мару и Монтегю Родсу Джеймсу».

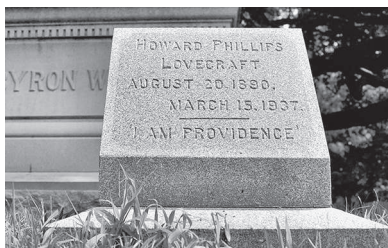
Сегодня произведения всех перечисленных классиков, за исключением разве что Эдгара Аллана По, не способны соревноваться в популярности с литературными ужасами Г. Ф. Лавкрафта.

При жизни не увидевший ни одной своей книги в твердой обложке, Г. Ф. Лавкрафт на протяжении десятилетий остается автором, чьи работы издаются миллионами экземпляров на десятках языков мира.

Г. Ф. Лавкрафт умер в Провиденсе 15 марта 1937 года от рака кишечника.

Спустя тридцать лет на могиле писателя усилиями его поклонников появилась надгробная плита с цитатой из одного его письма:

«Я — ПРОВИДЕНИЕ»
(I AM PROVIDENCE.)

Надгробная плита с цитатой из одного его письма: «Я — ПРОВИДЕНИЕ»

ДАГОН

Перевод Юрия Соколова

Я пишу эти слова в состоянии понятного умственного напряжения, ибо сегодня вечером меня не будет в живых*. Оставшийся без гроша, и даже без крохи зелья, которое одно делает мою жизнь терпимой, я не могу более переносить это мучение и скоро выброшусь из чердачного окна на нищую мостовую. И если я раб морфия, не надо считать меня слабаком или дегенератом. Прочитав эти торопливо набросанные строки, вы можете догадаться, хотя, наверное, никогда полностью не поймете, почему я добиваюсь забвения или смерти.

Случилось, что посреди одной из наиболее открытых и редко посещаемых частей широкого Тихого океана пакетбот, на котором я был суперкарго*, пал жертвой германского рейдера*. Великая война была тогда в самом начале, и океанский флот гуннов еще не успел достичь тех глубин падения, к которым ему суждено было опуститься потом*; поэтому наше судно было объявлено законным призом, а к экипажу отнеслись с теми справедливостью и вниманием, которых требовало наше положение военнопленных. Победители установили на борту настолько

либеральные порядки, что через пять дней после захвата я сумел ускользнуть в небольшой шлюпчонке, захватив с собой достаточное количество воды и провизии.

Оказавшись наконец на воде и в полной свободе, я не имел особо точного представления о том, где нахожусь. Не будучи компетентным навигатором, я мог только догадываться по солнцу и звездам, что нахожусь к югу от экватора. Долгота известна мне не была, а островов или берегов вблизи не было видно. Погода была ясной, и несчетные дни я бесцельно дрейфовал под обжигающим солнцем, ожидая, пока меня подберет проходящий корабль либо прибудет к берегам какой-нибудь населенной земли. Однако не появлялось ни корабля, ни земли, и я уже начал отчаиваться, оставаясь в уединении на неторопливо вздыхающем синем просторе.

Перемена произошла, пока я спал. Подробности ее так и остались неведомыми для меня, ибо мой сон, хотя и тревожный и полный сновидений, так и не прервался.

Когда я наконец пробудился, оказалось, что меня засасывает в адски черную, полную слизи лужу*, монотонно колыхавшуюся во все стороны от меня, куда достигал взгляд, а лодка моя лежала на ней как на суше неподалеку.

Хотя можно подумать, что моим первым ощущением при виде столь неожиданного и огромного преобразования окрестностей должно было стать удивление, на самом деле я скорее пребывал в ужасе, чем был удивлен, ибо в воздухе и в гнилой почве присутствовало нечто зловещее, пробравшее меня до глубины души. Вокруг валялись гниющие мертвые рыбины, а посреди отвратительной грязи бесконечной равнины торчали и менее понятные останки. Возможно, не стоит и пытаться передать простыми словами ту неизреченную мерзость, которая обитала в этом абсолютно безмолвном и бесплодном просторе. Слух не улавливал звуков, а зрение — ничего иного, кроме бесконечной черной грязи со всех сторон; и все же сама полнота тишины и однородность ландшафта вселяли в меня тошнотворный страх.

Солнце пылало на небесах, уже казавшихся мне черными в своей безоблачной жестокости и словно бы отражавшихся в чернильной болотине под ногами. Пере-

«Я пишу эти слова в состоянии понятного умственного напряжения, ибо сегодня вечером меня не будет в живых».

Повествование от первого лица — излюбленный прием Г. Ф. Лавкрафта, он используется в подавляющем большинстве его произведений. Обреченность и безысходность — одна из ключевых тем в его творчестве. Примечательно, что в этом раннем рассказе (1917) обе эти особенности раскрываются уже в первом предложении.

«...пакетбот, на котором я был суперкарго...»

Пакетбот — небольшое двух- или трехмачтовое парусное почтово-пассажирское судно.

Суперкарго — второй помощник капитана на судне, отвечающий за прием и выдачу грузов.

«...пал жертвой германского рейдера».

Рейдер — крупный военный корабль, обычно в одиночку совершавший нападения на торговые или транспортные суда противника. Рейдерские действия были широко распространены в Первую мировую войну.

«...океанский флот гуннов еще не успел достичь тех глубин падения, к которым ему суждено было опуститься потом...»

Рассказ написан в июле 1917 года, в разгар Первой мировой войны, спустя год после Ютландского сражения — крупнейшей морской битвы, в которой германский и британский флоты потерпели значительные потери. И хотя обе стороны объявили тогда о своей победе, Германии не удалось прорвать британскую блокаду в Северном море, в которой ее флот оставался до конца войны.

«Когда я наконец пробудился, оказалось, что меня засасывает в адски черную, полную слизи лужу...»

Идея «Дагона», как и нескольких других произведений, явилась Г. Ф. Лавкрафту во сне. Вот что он писал в 1921 году в статье, обращенной к критикам его сочинений:

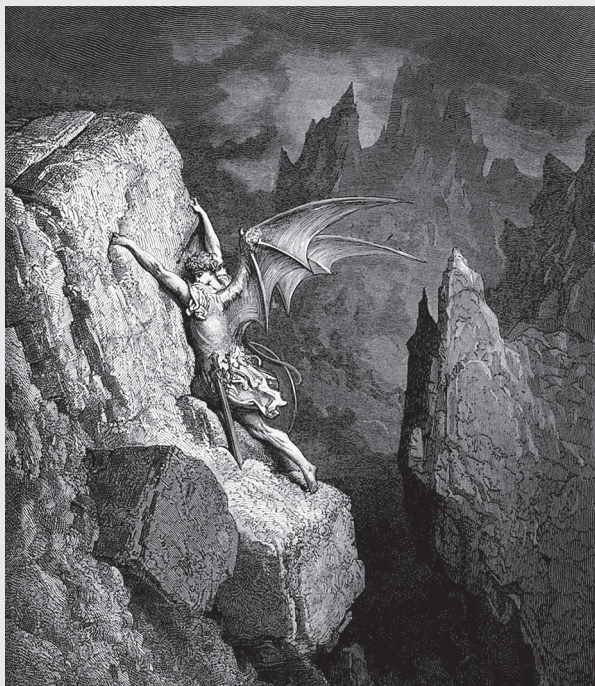
«...героя-жертву наполовину засасывает в трясину, но он все равно ползет! Проталкивает себя через мерзостную тину, пусть та крепко цепляется за него. Я знаю это, потому

что мне снилось это ужасное ползание, и я все еще чувствую, как трясина пытается меня засосать!»

«...уместные строки “Потерянного рая”, повествующие о жутком подъеме Сатаны через бесформенные области тьмы.»

Из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (ок. 1658–1663):

*Тут Сатана во весь гигантский рост
Поднявшийся из озера, восстал.
И, обращая книзу языки,
Похожие на острие — огонь,
По сторонам отхлынув, раздался,
Образовав ужасную долину —
По воздуху, который надавливает
Он тяжестью своею, Сатана
Летит к земле на крыльях распростертых.
Но можно ли назвать землю место,
Горящее огнем сухим и твердым,
Как озеро — расплавленным огнем?
(Перевод Ольги Чюминой)*

*Иллюстрация
Гюстава Доре*

бравшись в оказавшуюся как бы на суше лодку, я подумал, что положение мое способна объяснить лишь одна теория. Какой-то беспрецедентный вулканический выброс вынес на поверхность часть океанского дна, обнажив область его, которая в течение бесчисленных миллионов лет оставалась скрытой в неизмеримых водяных глубинах. И настолько велика была сия поднявшаяся подо мной земля, что, усердно напрягая слух, я никак не мог уловить даже слабого отзвука доносящихся издали рокочущих океанских волн. Не было видно и чаек, охотящихся за мертвечиной.

Несколько часов я сидел в лодке, лежавшей на боку и дающей некоторую тень по мере того, как солнце ползло по небу. С течением времени почва потеряла долю своей липкости и достаточно подсохла, чтобы по ней можно было пройти. В ту ночь я спал немного и на следующий день приготовил себе поклажу из пищи и воды, собираясь в сухопутное путешествие в поисках исчезнувшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва высохла настолько, что по ней можно идти без труда. От рыбной вони можно было сойти с ума; но я был озабочен вещами куда более серьезными, чтобы обращать внимание на столь мелкое зло, и потому отправился к неведомой цели. Весь день я упорно шагал на запад, в сторону пригорка, казавшегося выше прочих на гладкой равнине. Ночь я провел под открытым небом, а на следующий день все еще шел в сторону пригорка, и цель моего пути едва ли казалась ближе, чем когда я впервые заметил ее. На четвертый вечер я приблизился к основанию холма, оказавшегося много выше, чем это казалось мне издали, и отделявшая меня от него долина еще резче выделяла бугор на ровной поверхности. Слишком усталый для восхождения, я задремал в тени его.

Не знаю, почему сны мои в ту ночь оказались настолько бурными; но прежде чем фантастический лик убывающей горбатой луны восстал над восточной равниной, я пробудился в холодном поту, решив не смыкать более глаз. Тех видений, что я только что пережил, было для меня довольно. И в свете луны я понял, насколько неразумным было мое решение путешествовать днем.

Без обжигающих лучей солнца путь не стоил бы мне таких затрат энергии; в самом деле, я уже чувствовал в себе достаточно сил, чтобы решиться на устрашавший меня на закате подъем. Подобрал пожитки, я направился к гребню возвышенности.

Я уже говорил о том, что ничем не прерывавшаяся гладь монотонной равнины вселяла в меня непонятный ужас; однако кошмар этот сделался еще более тяжким, когда, поднявшись на вершину холма, я увидел по ту сторону его неизмеримую пропасть, каньон, в чьи темные недра не могли проникнуть лучи еще невысоко поднявшейся луны. Мне казалось, что я очутился на самом краю мира, что заглядываю за край бездонного хаоса и вечной ночи. В ужасе припоминал я уместные строки «Потерянного рая»¹, повествующие о жутком подъеме Сатаны через бесформенные области тьмы*.

Когда луна поднялась на небе повыше, я увидел, что склоны долины оказались не столь отвесными, как мне только что привиделось. Карнизы и выступы скал представляли достаточную опору для ног, и, когда я спустился на несколько сотен футов, обрыв превратился в весьма пологий откос. Повинуясь порыву, истоки которого я положительно не могу определить, я не без труда спустился с камней на ровный склон под ними, заглядывая в стигийские бездны, куда еще не проникал свет.

И тут вдруг мое внимание приковал к себе громадный и одинокий объект, круто выраставший на противоположном склоне передо мной; объект, блеснувший белым светом под только что нисшедшими к нему лучами восходящей луны. Я скоро уверил себя в том, что вижу всего лишь громадный камень, но при этом осознавал, что очертания и положение его едва ли были делом рук одной только Природы. Более близкое исследование наполнило меня ощущениями, которые невозможно выразить; ибо несмотря на огромный размер и положение в пропасти, разверзшейся на дне моря в те времена, когда мир был еще

¹ Эпическая поэма Джона Мильтона, впервые изданная в 1667 году в десяти книгах, описывающая белым стихом историю первого человека — Адама.